

«Теория элит» и границы ее применимости при анализе структуры власти «послевоенного сталинизма».

В последнее время широкое распространение для анализа властной структуры советского общества получила «теория элит», родоначальниками которой традиционно считаются Гаэтано Моска, Вильфредо Парето, Роберт Михельс, Чарльз Райт Миллс и ряд других исследователей. Основной тезис теории состоит в утверждении, что в обществе властные полномочия осуществляются небольшой (относительно численности всего населения) группой – правящим классом, который управляет остальным населением благодаря своей внутренней организованности.

Применение «теории элит» для исследования проблем советского общества становится распространенным в настоящее время¹.

Вопрос о том, взаимоисключают или дополняют друг друга классовая и элитарная теории, до сих пор является предметом дискуссии.

По мнению одного из ведущих исследователей региональных элит советского периода – пермского ученого В.П. Мохова: «Элитизм как методология анализа основывается на признании, во-первых, неравенства людей и неизбежности социальной и политической дифференциации общества; во-вторых, неизбежности выделения в дифференцированном обществе социальных групп или лиц, осуществляющих власть; в-третьих неизбежности отстранения большинства людей от процессов осуществления власти (или ограничения их участия во власти)»².

Чаще всего, элитизм противопоставляется концепциям общественного развития традиционно считающимся эгалитарными, в частности, марксизму. Однако, один из ведущих теоретиков элитизма в России – Г.К. Ашин – придерживается противоположной точки зрения. Он и его коллеги считают,

что «элита выступает представителем господствующего класса при выполнении этим классом функций руководства обществом; она выявляет и актуализирует интересы класса как глубинные, так и непосредственно – субординирует их; она «формирует» волю класса и непосредственно руководит ее претворением в жизнь»³. По мнению этих авторов, понятие «элита» вполне применимо к некоторым группам советского общества.

О.В. Крыштановская говорит о двух подходах к анализу общественных отношений. Она утверждает, что в марксистской парадигме во главу угла ставятся экономические, а в «теории элит» политические отношения и считает, что марксистский анализ вполне применим к западным обществам времен развития капитализма. Советское общество, вслед за М.С. Восленским, она относит к «политическим», описанным Карлом Витгофелем в его известной работе «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти».

Другой дискуссионной проблемой современной элитологии является вопрос о рамках применимости элитаристской модели. Согласно одной из точек зрения, «существование элит связано с буржуазным индустриальным обществом, <...> они являются продуктом общественных отношений именно этого общества», при этом для институционализации элит важны три характеристики социума: «открытость общества, открытость власти и открытость политики»⁴. Этот подход подразумевает, что элиты как институт пришли на смену феодальной аристократии. Исследователи, придерживающиеся другой точки зрения, считают, что существование элит характерно для любого структурированного общества. Для сторонников этой концепции характерно стремление распространить единый подход к рассмотрению взаимоотношений в системе «верховная власть – правящий слой – общество» на значительные по временной протяженности периоды российской истории. В результате появляются весьма спорные суждения. С.В. Китаев, например, полагает, что «следует согласиться с тезисом об исторической обусловленности номенклатурной модели формирования

верховой власти в России на протяжении всей ее исторической, социально-экономической и политической эволюции»⁵. Иногда подобные намерения приводят к экстравагантным выводам. О.В. Гаман-Голутвина, например, считает схожим положение номенклатурных кадров в 1930-1950-е гг. с положением крепостных крестьян дореволюционной России: «Положение партхозноменклатуры мало чем отличалось от положения крепостных. Номенклатурная колода «тасовалась» по усмотрению верховной власти почти так же, как некогда продавались помещиком его крестьяне <...>»⁶.

Дискуссионным является также вопрос о границах применимости элитаристской модели в исследовании советского общества. Большинство авторов соглашались с тем, что в СССР главную роль играла политическая элита. Вместе с тем среди приверженцев элитаристской теории существуют значительные расхождения в вопросе о том, где должны быть проведены границы, определяющие это понятие (хронологически, институционально и территориально). Важность разработки этой проблемы подчеркивает В.П. Мохов, по мнению которого, «дискуссионность понятия (политическая элита – авт.) определяется не только слабой теоретической разработанностью понятийного аппарата проблемы, но и важностью, ключевой ролью его для осмысления всей советской действительности. Можно <...> без преувеличения сказать, что содержательным наполнением термина «политическая элита» будет во многом предопределен результат теоретического и социологического анализа не только советских элит, но и всего советского общества»⁷.

Рассмотрим определение «политической элиты» в современной российской элитологии. Г.К. Ашин считает, что, «политическая элита – высокоинтегрированная (хотя и существующая в условиях жесткой внутренней конкуренции социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества) группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические

решения. Эта группа, как правило, сплоченная, связанная взаимными интересами по сохранению общественно-политической системы, которая обеспечивает ей привилегированное положение в обществе»⁸. Он же считает еще одной характеристикой этой группы то, что, «групповые интересы элиты приоритетны в системе ценностных ориентаций ее членов»⁹. Сходные определения приводят и другие авторы¹⁰.

Итак, основными признаками т.н. «властной группы», как с точки зрения теории «нового класса», так и с точки зрения теории элит, являются:

- интегрированность, сплоченность, связанность взаимными интересами;
- наличие общих для всех членов группы интересов, приоритетных по отношению к индивидуальным интересам каждого отдельного участника группы;
- способность группы, как единого целого, принимать стратегические решения, реализовывать их, определяя тем самым государственную политику.

Рассмотрим, насколько партийно-государственный аппарат СССР соответствовал этим критериям. Следует отметить, что одним из главных недостатков обеих моделей является попытка их применения ко всему советскому времени, без учета конкретно-исторических особенностей отдельных периодов.

Немаловажным является вопрос о степени интегрированности властной группы и тесно связанный с ним вопрос о ведущей роли партийного аппарата внутри т.н. «правлящего слоя» в период «позднего сталинизма». Многие исследователи обращают внимание на то, что за время господства чрезвычайных методов управления военного периода партийный аппарат оказался перед угрозой «сращивания» с государственными и хозяйственными органами. М. Левин в своей известной статье «Номенклатура – Arcanum imperii: Технологии управления против социологии управления» утверждает, что за годы войны партийный аппарат

фактически превратился в придаток хозяйственного аппарата и даже «существовала возможность поглощения партии хозяйственниками»¹¹.

Исследователи, занимающиеся конкретными аспектами функционирования советской системы обращали внимание на то, что ее отдельные крупные сегменты далеко не всегда находились под повседневным контролем партийных органов. И.В. Быстрова, в монографии, посвященной военно-промышленному комплексу (ВПК) СССР, рассматривая послевоенный период, отмечает, что «особое положение «чрезвычайных» комитетов¹² при Совмине делало их малодоступными для партийных работников»¹³. Аналогичное мнение высказывается и по поводу органов безопасности. Отмечая эти тенденции, О.Г. Мясников делает вывод: «Во времена вождя, казалось бы, сформировались все атрибуты элиты, начиная с привилегий и кончая огромной властью отдельного руководителя. Тем не менее, отсутствовали признаки целостности, сплоченности, единства, солидарности, высокой степени консолидации»¹⁴.

Внутри партийно-государственного аппарата, существовали, таким образом, различные группы. Каждая из них, наряду с общими интересами сохранения, упрочения и продолжения экспансии режима, имела и свои собственные, «ведомственные» интересы. Эти интересы часто входили в противоречие друг с другом. В конфликтных ситуациях арбитром выступала верховная власть, прежде всего И.В. Сталин и его ближайшее окружение.

Следующий вопрос, требующий анализа, – проблема соотношения властных полномочий высшего руководства страны и «властной группы». По мнению сторонников теории существования «правлящей группы», И.В. Сталин, являясь ее создателем и лидером, сам был вынужден действовать исключительно в ее интересах. Как утверждает М. Джилас: «Сталин саркастически отшучивался, когда его называли диктатором. <...> он понимал, что отход от идейных основ партии, от монополии нового класса на все и вся или от тоталитарного владычества олигархии привел бы его к неминуемому падению <...>. Без них или против них он ничего не мог»¹⁵. С

этим утверждением полностью соглашается и М. Восленский: «Сталинские назначенцы были людьми Сталина. Но и он был их человеком. <...> конечно, он мог любого из них в отдельности выгнать и ликвидировать, но пойти против слоя номенклатуры в целом Сталин никак не мог. <...> Сталин старательно заботился об интересах своих назначенцев, об укреплении их власти, авторитета, привилегий, и знал, что они неуклонно выполняют его волю, пока он выполняет их волю»¹⁶. Нельзя, конечно, не согласиться с утверждением о том, что И.В. Сталин не мог пойти против слоя номенклатуры в целом – такой «поход» был бы походом, прежде всего, против созданной самим верховным руководителем мобилизационной модели общественного устройства и, в конечном итоге, против его собственной авторитарной власти. Вопрос, однако, состоит в том, кто в чьих интересах действовал, в том, кто вырабатывал стратегию. Без аппарата, послушно выполняющего его волю, вождь был бессилен, но и аппарат в условиях полной разобщенности отдельных звеньев не смог бы объединиться и навязать свою волю вождю, по крайней мере, до тех пор, пока руководители отдельных частей, входившие в ближайшее окружение И.В. Сталина, не договорились бы за его спиной.

Все важнейшие политические решения, все значимые кадровые назначения осуществлялись исключительно под контролем верховного руководителя.

Нельзя не отметить, что именно первые послевоенные годы стали временем своеобразного вызревания общих интересов среди руководителей партийно-государственного аппарата. Несмотря на чуткий контроль верховной власти, продемонстрированный в частности в «ленинградском деле», процессы консолидации, образования «правлящего слоя» продолжали исподволь развиваться. Именно это развитие дало возможность властной группе после смерти вождя успешно сопротивляться попыткам установления жесткого, авторитарного режима, что было продемонстрировано и летом 1953 г. (при отстранении от власти Л.П. Берии) и осенью 1964 г. (при снятии

Н.С. Хрущева). Характерным является то, что во главе процесса консолидации «правлящего слоя» оказался именно партийный аппарат – управляющая группа наиболее крупной, идеологически легитимизированной, имеющей опыт регионального руководства и наиболее тесно связанной с широкими массами властной структуры в стране.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что ни теория «нового класса», ни теория элит в применении к описываемому периоду не могут объяснить конкретные исторические факты и дать адекватное описание происходивших тогда событий.

В силу этого, возникает естественный вопрос об общем понятии, описывающем объект исследования, в частности, партийный аппарат. Большинство историков и социологов склонны употреблять термин «номенклатура», иногда сопровождая его следующими прилагательными: «партийная», «советская», «хозяйственная», «военная» и т.п. Например, А.В. Дука считает, что понятие элиты применимо только к буржуазному индустриальному обществу, т.к. формирование этого общественного института обусловлено, во многом, открытостью власти, политики и общественных процессов. Применительно к советскому обществу необходимо говорить о номенклатуре, которая является такой же формой организации управляющих структур, как элита или аристократия¹⁷.

В своей известной статье, вышедшей в 1993 г., Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер сформулировали принципиальное отличие советской номенклатуры от элиты: «номенклатура отличается от элиты тем, что последняя является носителем социального генофонда ценностей данного института, тогда как номенклатура – профессиональная управленческая группа»¹⁸.

Отметим, что официальным определением номенклатуры являлось следующее: «Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются <...> партийным комитетом»¹⁹. Однако, еще в 1970-1980-е гг.

в официальной партийной литературе появлялись высказывание, трактующие понятие номенклатуры несколько шире²⁰.

Следует подчеркнуть, что номенклатура различалась и ведомственно (помимо партийной, существовала, например, номенклатура министерств) и иерархически (в партии существовали номенклатуры ЦК, обкомов, горкомов, райкомов и др.). С учетом этих замечаний обобщенный термин «номенклатура» представляется слишком расплывчатым для употребления.

Мнение о том, что номенклатурная организация управления присуща не только советскому обществу, достаточно распространено среди исследователей. Например, В.П. Пашин и Ю.П. Свириденко считают, что «номенклатура, в самом широком ее понимании явление всеобщее и ординарное, присущее любому организованному государственному устройству»²¹. Нам представляется, что номенклатурный способ классификации должностей и назначения на них присущ не только государству, а вообще любой многоуровневой структуре с вертикальными управленческими связями – например, крупной корпорации.

В.П. Мохов дает следующее определение: «Номенклатура – это способ структуризации общества, с помощью которого достигается его максимальная управляемость во имя достижения заданных стратегических целей»²². На наш взгляд, это определение чрезмерно расширяет применение понятия. Речь должна идти, скорее, не о структуризации общества, а о попытках установления полного контроля над аппаратом власти во всех сферах его деятельности.

А.Н. Медушевский вводит новый термин для определения номенклатурного аппарата – авторитократия, справедливо подчеркивая тем самым его наиболее характерную черту – связь с системой неограниченной личной власти вождя²³. Этот автор считает, что феномен номенклатурной организации власти в СССР следует связывать не с возникновением нового класса, а с «ретрадиционализацией – временной реконструкцией традиционного социального слоя в условиях слишком стремительного

перехода от традиционного аграрного общества к современному массовому обществу. В советских условиях динамика этого процесса определялась также исключительно большой ролью централизаторски-интеграционных функций политической власти»²⁴.

Украинский исследователь М.С. Дорошко пишет, что сам термин «элита» следует употреблять только в социологии и политологии. В истории, по его мнению, необходимо использовать «самоназвания», т.е. те определения, которые употреблялись в исследуемый период. Исходя из этого, он предлагает употреблять термин «номенклатура»²⁵.

Полностью соглашаясь с М.С. Дорошко в вопросе о предпочтительности использования самоназваний, мы считаем необходимым отметить, что наиболее адекватным термином является слово «аппарат» с употреблением соответствующих определений («партийный аппарат», «советский аппарат», «хозяйственный аппарат», «аппарат органов госбезопасности» и т.п.).

Этот термин являлся более распространенным самоназванием в интересующий нас период. Кроме этого, значение слова подчеркивает объективно подчиненную, исполнительскую роль этой структуры по отношению к верховной власти в системе управленческой иерархии.

¹ Это утверждение доказывает выход в свет библиографического справочника, посвященного этому направлению: Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990-2000 гг. / Отв. ред. А.В. Дука. – СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2001.- 152 с. См. также: Бадковский Д.В. Советская политическая элита: От «организации профессиональных революционеров» к номенклатурной системе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 1995. №1. С. 22-36; Болдовский К.А. Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. №3(5). С.197-213; Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2002. - 257 с.; Золотов В.А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953-1991 гг.): автореф. дис....д-ра. ист. наук. – М., 2006. – 36 с.; Ланцов С.А., Ланцова Л.А. Политические процессы в России XX века в свете теории элиты // Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М.А. Василики, Л.В. Сморгунова. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 66-82.

² Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945 – 1991 годы).- Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. – 238 с. С.19-20.

³ Ашин Г.К., Пониделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. – М.: 1999, 304 с. С. 276-277.

⁴ Дука А.В. Властные элиты: социологический анализ// Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль-май 2002 г. – Пермь: Пермский государственный технический университет, 2002. – 257 с. С. 55.

-
- ⁵ Китаев С.В. Основные предпосылки возникновения и становления номенклатуры в России// Номенклатура и общество в России и Украине. – Пермь: Изд-во Пермского государственного технического университета, 2009. – 321 с. С. 30.
- ⁶ Гаман-Голутвина О.В. Российские политические элиты: факторы эволюции// Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль-май 2002 г. – Пермь: Пермский государственный технический университет, 2002. – 257 с. С. 80.
- ⁷ Мохов В.П. Элиты как руководящая и направляющая сила индустриального общества// Элитизм в России: «за» и «против»: Сборник материалов интернет-конференции, февраль-май 2002 г. – Пермь: Пермский государственный технический университет, 2002. – 257 с. С. 131.
- ⁸ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 600 с. С.254-255.
- ⁹ Там же, С. 431.
- ¹⁰ См., например, определение О.В. Гаман, которая считает, что политическая элита – это «<...> понятие о внутренней сплоченной, составляющей меньшинство общества категории лиц, являющихся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений и обладающих необходимым для этого ресурсным потенциалом». (Гаман О. Политические элиты России в историческом процессе. Закономерности формирования и тенденции развития// Россия XXI. 1996. №3/4. С. 72).
- ¹¹ Левин М. Номенклатура – Arcanum imperii: Технологии управления против социологии управления // Свободная мысль. 1997. №4. С. 75-80. С. 77.
- ¹² Имеются в виду спецкомитеты №№ 1,2 и 3 при СМ СССР, управлявшие работами по атомной проблеме, реактивному вооружению и радиолокации.
- ¹³ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы).- М.: Институт российской истории РАН, 2006. – 704 с. С.462.
- ¹⁴ Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Политические исследования. 1993. №1. С. 53.
- ¹⁵ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. 539 с. С. 241.
- ¹⁶ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. 622 с. С. 97-98.
- ¹⁷ Дука А.В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. №1. С. 64-82.
- ¹⁸ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизм и действие// Вопросы истории. 1993. №7. С.38.
- ¹⁹ Партийное строительство: Учебное пособие, изд. 6-е М.: Политиздат, 1981. – С.300.
- ²⁰ Например, под номенклатурой понималась система учета и распределения ответственных работников (Вопросы работы КПСС с кадрами на современном этапе. М.: Политиздат, 1976. С. 173) или форма организации кадровой работы (Яцков В.А. Организация работы с номенклатурой партийных комитетов // Проблемы партийного и государственного строительства. Вып. 2. М., 1982. С. 133).
- ²¹ Свириденко Ю.П., Пашин В.П. «Кадры решают все?!...» // Россия: идеи и люди: Сборник научных трудов. Вып. 1. М., 1994. – С.1.
- ²² Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945 – 1991 годы).- Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. – 238 с. С. 38.
- ²³ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.- 650 с. С.531.
- ²⁴ Там же. С. 532.
- ²⁵ Дорошко М.С. Еліта чи номенклатура?// Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XX. Запоріжжя, 2006. С. 452.